

- Роберт ГОВАРД

- 1
  - 2
  - 3
  - 4
-

Роберт ГОВАРД

БАГРЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ

...Утром Конайохары не была единственным поводом кризиса Аквилонии — самого могущественного гиборейского королевства. Бездарность и жестокость короля Нумедида, ставшие источником недовольства и заговоров, привели в конце концов к мятежу, во главе которого и встал Конан.

К тому времени он успел получить звание генерала на аквилонской службе, наголову разбил полчища пиктов под Велитриумом и на собственной штурме испытал нрав своего владыки, когда тот под предлогом триумфа вызвал Конана в столицу и предательски бросил его в тюрьму.

После побега материальной базой мятежников стали найденные Конаном в пиктской пуще сокровища, а полководческий гений киммерийца придал боевым действиям необходимую направленность: Тарантия — столица Аквилонии — была осаждена и взята штурмом. Короля Нумедида Конан задушил собственноручно, после чего сел на престол при полной поддержке аквилонских политиков. Но не прошло и года, как новоиспеченному королю пришлось защищать корону и жизнь от стилетов заговорщиков. Хотя это была не последняя и не самая страшная угроза в жизни Конана...

1

...Грохот битвы затих; триумфальные крики победителей неслись над полем боя, заглушая стоны умирающих. Тела павших устилали равнину, как ярко окрашенные листья после осенней бури. Заходящее солнце высекало искры из полированных шлемов, серебряных нагрудников, золоченых кольчуг и поломанных мечей. Тяжелые шелковые полотнища королевских штандартов валялись в грязи, забрызганные кровью.

Повсюду громоздились трупы боевых коней и закованных в сталь рыцарей. Между ними, как нанесенные ветром сугробы, покоились сплетенные и раздавленные тела в кожаных колетах — тела лучников и копьеносцев.

Звуки победных фанфар катились над побоищем, а копыта топтали павших, когда колонны победителей, подобно сверкающим спицам огромного колеса, прокатились к тому месту, где последний уцелевший воин еще вел яростный неравный бой. В этот день Конан, король Аквилонии, увидел, как был разбит, растерзан и уничтожен цвет его рыцарства. Пять тысяч отборной конницы перешли границу Аквилонии, направляясь на юг, на травянистые пастища Офира, чтобы оказаться в ловушке — давний союзник, король Офира Амальрик, предал их и объединил против Конана свои силы с армией Страбона, короля Кофта.

Поздно, слишком поздно заметил Конан западню, но совершил все, что было в возможностях вождя, имеющего пять тысяч конницы против тридцати тысяч всадников и пехотинцев.

Не имея пехоты, он бросил на надвигающегося врага свою закованную в броню конницу; увидел, как падают, подобно сжатым колосьям, рыцари Амальрика под аквилонскими мечами, разгромил центр офирского строя, — и очутился в клещах флангов объединенных против него армий.

Шемитские лучники внесли замешательство в ряды всадников Конана, без промаха попадая в каждую щель панцирей, валя лошадей, а кофские копьеносцы хладнокровно добивали упавших рыцарей. Разбитая в первом столкновении конница Амальрика сомкнула ряды и, поддерживаемая с флангов легковооруженными всадниками, бросилась в атаку, сокрушая аквилонцев численным перевесом. Те не дрогнули — гибли в отчаянном бою, и никто из пяти тысяч не ушел живым с равнины Шома. Только король еще стоял, опервшись спиной о штабель мертвых людей и лошадей; офицеры-рыцари пытались достать его копьями, к нему подбирались

чернобородые шемиты и темнолицые кофты, и оглушительный грохот стали несся над полем. Одетый в черную кольчугу король двоился и троился среди нападающих, раздавая сокрушительные удары, вокруг него образовалось кольцо изрубленных тел; наступающие воины, пораженные неукротимой отвагой гиганта, отступали, бледнея и проклиная несокрушимого богатыря.

Расталкивая в стороны толпу, подъехали победители — Страбон, с бегающими глазками на широком, темном лице, щеголеватый сухопарый Амальрик, холодный и опасный, как кобра, и, наконец, — одетый в шелковую тунику Тсотха-ланти, жрец с немигающим черным взглядом, напоминающим грифа-стервятника. Об этом кофтском чернокнижнике рассказывали жуткие легенды; в деревнях на западе и севере страны крестьяне пугали детей его именем; строптивых невольников можно было принудить к покорности лишь угрозой продажи в руки мага. Ходили слухи о его библиотеке, где магические трактаты были переплетены в кожу, содранную с живых людей. Также говорили, что в глубочайших подвалах, выкопанных под холмом, на котором возвышался его дворец, — в подвалах этих якшался Тсотха-ланти с силами ада, меняя молодых невольниц на безбожные секреты и таинственные формулы, дающие власть над миром демонов.

Жрец был истинным владыкой страны Кофт. Сейчас он язвительно усмехался, глядя на обоих королей, натягивающих поводья на безопасном расстоянии от грозной фигуры в черной кольчуге, перед которой теряли смелость самые отважные, едва встретясь с взглядом голубых глаз, пылающим из-под козырька шлема.

Напряженное, покрытое шрамами лицо Конана потемнело от бешенства, кольчуга его была порвана и залита кровью, а меч окрасился пурпуром по самую рукоять. Покров цивилизации слетел с него в пылу битвы, сейчас он был варваром, насмерть стоящим против завоевателей. Киммериец родом, он вел свою родословную от порывистых и хмурых горцев севера, и сага о его пути, от морскогоcorsара до короля Аквилонии, породила многие песни, славящие подвиги Конана.

Оба короля по-прежнему держались в почтительном удалении. Страбон был вне себя от ярости при виде лучших воинов, лежащих у ног варвара. Не найдя иного выхода, он крикнул лучникам-шемитам, чтобы те стреляли в Конана издалека.

Но Тсотха-ланти покачал головой.

— Возьми его живым!

— Тебе легко говорить! — буркнул Страбон, боясь в глубине души, что

гигант в черной кольчуге сможет каким-то чудом прорубить к нему дорогу через лес копий. — Кто способен поймать живьем тигра-людоеда? Во имя Иштар! Он топчет шеи моих испытанных бойцов! Семь лет и горы золота поглотило обучение каждого из них, а сейчас они валяются, подобно свиньям на бойне. Стрелы, говорю я, только стрелы!

— Еще раз: нет! — отрезал Тсотха, слезая с коня.

Он холодно улыбнулся и добавил:

— Разве не знаешь ты, что разум мой сильнее любого меча?

Жрец прошел через шеренги копейщиков, и рослые могучие воины отскакивали в стороны, дрожа от одной мысли, что края его одежды могут коснуться их. Маг переступил через бруствер из трупов и очутился лицом к лицу с грозным королем. Воины затаили дыхание. Наступила предгрозовая тишина; огромная фигура нависла над щуплым, одетым в белое, жрецом, а двуручный меч вознесся для удара.

— Предлагаю тебе жизнь, Конан, — наконец отозвался Тсотха, и в голосе его звучала нотка жестокой радости.

— А я дарю тебе смерть, чернокнижник! — проревел король, и меч, ведомый стальными мышцами и кипящей ненавистью, уже готов был рассечь жреца пополам. Но Тсотха сделал молниеносный шаг вперед и ладонью коснулся левого плеча короля в месте разрыва кольчуги. Лезвие меча бессильно опустилось, а одетый в сталь богатырь недвижно свалился на землю.

Тсотха беззвучно рассмеялся.

— Возьмите его и не бойтесь — у тигра вырваны клыки!

Короли пришпорили коней и приблизились, в недоумении глядя на поверженного противника. Конан лежал, как мертвый, и только широко открытые, пылающие бессильным гневом глаза смотрели вверх, на стоявших над ним людей.

— Что ты сделал с ним? — робко спросил Амальрик.

Тсотха поднял ладонь и показал широкий перстень странной формы. Он цепко сжал пальцы, и на внешней поверхности перстня выскоцил маленький и острый шип, подобный змеиному жалу.

— Он покрыт соком пурпурного лотоса, растущего в степях южной Стигии

— прибжища духов, — сказал маг. — Прикосновение его парализует. Закуйте варвара в цепи и уложите на колесницу; солнце заходит, а нам пора возвращаться в Корхемиш.

Страбон повернулся к своему наместнику Арбанусу.

— Мы возвращаемся с ранеными в Корхемиш. С нами пойдет малый

отряд гвардии. Ты же на рассвете двинешься к аквилонской границе и начнешь штурм Шамара. Офицеры по дороге доставят тебе фураж, а мы присоединимся с подкреплением при первой возможности.

Было сделано так, как сказал Страбон: армия разбила лагерь недалеко от поля боя, в ожидании рассвета, а оба короля и маг, более могущественный, чем любой властелин, направились под звездным небом к столице Страбона, окруженные дворцовой гвардией в золотых доспехах; за ними тянулась бесконечная вереница колесниц, везущих раненых. На одной из них в цепях лежал Конан, король Аквилонии, и душу его разрывала дикая горечь пойманного тигра, переживающего боль поражения.

Яд, парализовавший могучее тело, не затмил разума. Колесница подпрыгивала на ухабах, а Конан все вспоминал, восстанавливая в памяти причины сегодняшнего разгрома.

Несколько дней назад Амальрик прислал к нему гонца с просьбой о помощи против Страбона, который, как говорилось в послании, грабил восточные провинции Офира, лежавшие между границей Аквилонии и королевством Кофт. Амальрик просил всего тысячу воинов, но во главе с самим Конаном, для придания отваги офирским полкам. В великолдушии своем Конан взял пять тысяч — в пять раз больше, чем просил предатель Амальрик.

И, ничего не заподозрив, король Аквилонии перешел границу и встал против «врагов», тайно заключивших союз.

«А все-таки боялись, — подумал Конан. — Боялись... Против пяти тысяч

— две армии! Боялись...»

Багровый туман поплыл перед его глазами, жилы вздулись, и пульс бешено заколотился в висках. За всю свою жизнь он не испытывал более яростной и одновременно бессильной злобы. Глазами воображения читал он книгу своей жизни — страницы менялись, подобно причудливому калейдоскопу: варвар, одетый в шкуры, наемник в рогатом шлеме, корсар на галере с носом в форме головы дракона, оставляющей за собой кровь и пепелища вдоль всего южного побережья; капитан гвардии в блестящих доспехах, на великолепном вороном коне, король, восседающий на золотом троне, над которым развевался штандарт с желтым львом, а у подножья теснились коленопреклоненные придворные и благородные дамы...

Но толчки подпрыгивающей на ухабах колесницы вернули его к реальности

— реальности предательства Амальрика и магии Тсотха-ланти. И единственным удовлетворением для него были стоны раненых, наполнявшие короля чувством злобной радости.

Незадолго до полуночи они достигли границ Офира, а на рассвете на горизонте возникли крыши и высокие башни Корхемиша, окрашенные в розовый цвет лучами восходящего светила. Над городом нависала багряная цитадель — обитель Тсотха-ланти, построенная на холме со слишком крутыми склонами, чтобы на них можно было взобраться. К цитадели вела лишь одна узкая дорога, выложенная мрамором и перекрытая тяжелыми железными воротами. Со стен крепости открывался чудесный вид на просторные, светлые улицы города, храмы, минареты, резиденции вельмож и ряды магазинов на торговых площадях. Можно было видеть королевские дворцы, расположенные среди великолепных садов; тихо журчали искусственные ручьи, а непрерывно бьющие фонтаны создавали облачка серебристого тумана. И над всем этим величием возвышалась цитадель — горным кондором, склонившимся над своей жертвой, погруженным в мрачную медитацию.

Ворота между башнями внешней стены отворились, и король Страбон въехал в столицу, окруженный блестящим эскортом гвардейцев. Пятьдесят фанфар прогремели приветственным салютом. Но толпы людей не выбежали на белый мрамор улиц, чтобы бросить букеты роз под копыта королевского коня. Страбон опередил весть о победе, и люди, оторвавшиеся от будничных дел, смотрели на небольшой отряд Страбона в недоумении, не ведая, победу или поражение означает неожиданный приезд. Жизнь медленно стала возвращаться в тело Конана, и он приподнял голову с пола колесницы, чтобы посмотреть на чудеса города, по справедливости носящего прозвище Королевы Юга. Некогда он мечтал въехать в эти украшенные золотом ворота во главе своих полков, с развевающимся над ними знаменем Аквилонии. И вместо победоносного шествия он лежал теперь на грязном полу вражеской колесницы, как пойманный беглый невольник, обезоруженный, опутанный цепями.

Волна издевки над самим собой затопила бешенство, и для солдат-возниц горький смех Конана прозвучал рычанием разъяренного хищника.

2

В цитадели, в комнате с высоким сводчатым потолком из резного гранита и ажурными колоннами — в этой комнате происходила необычная беседа. Конан Аквилонский стоял перед своими победителями. Кровь сочилась из его открывшихся ран. С каждой стороны возле него стояла дюжина чернокожих гигантов, вооруженных топорами на длинных рукоятках.

Перед Конаном замер неподвижный Тсотха. За ним, на бархате покрывал, возлежали Амальрик и Страбон, одетые в шелка и увешанные драгоценностями. Рядом с королями склонялся молодой обнаженный невольник, по мере потребности наполнявший вином кубки из резного сапфира.

Странно выглядел в роскоши окружения Конан — хмурый, окровавленный, в одной набедренной повязке, с кандалами на руках и ногах; его голубые глаза блестели под взлохмаченной гривой волос, падающей на широкий лоб. Он возвышался над присутствующими, лишь силой духа затмевая обоих владык, и они понимали это, несмотря на старания казаться величественными.

Робость свернулась в душе королей, робость перед дикой силой, дремлющей в теле варвара. И лишь Тсотха не поддавался этому чувству.

— Наши желания быстро превращаются в наши возможности, — наконец сказал жрец. — А желание наше — расширить пределы королевства Кофт.

— И для этого, грязный боров, вы хотите заполучить мою страну?! — прохрипел Конан.

— Ты обыкновенный нахал, завладевший короной, на которую у тебя прав не более, чем у любого варвара-разбойника, — отпарировал Амальрик. — Но несмотря на прошлое, мы готовы дать тебе некоторую компенсацию.

— Компенсацию? — из могучей груди киммерийца вырвался взрыв хохота. — Или плату за бесчестье и предательство? Если я варвар, так я должен продать свое королевство и народ его за цену жизни и вашего подлого золота? Ха! А как же ты сам добился короны, ты и черномордая свинья рядом с тобой?! Ваши отцы преподнесли вам короны на золотых подносах! То, что вы унаследовали, не шевельнув и пальцем, — кроме отравления нескольких братьев — я завоевал себе сам! Восседаете на

бархате, пьете вино, в поте лица изготовленное вашими подданными, и болтаете о святом праве наследования — ха! Я вскарабкался на трон из бездны нагого варварства, но свою кровь я проливал так же легко, как и чужую. И если кто-то из нас имеет право властвовать над людьми, то, клянусь Кромом, — это я! В чем ваше преимущество? Я застал Аквилонию под игом свиньи, подобной вам — подлеца, кичащегося тысячелетней родословной. Страну терзали распри между баронами, а народ задыхался от гнета, налогов и беспощадно взимаемой дани. Сегодня же ни один из аквилонских вельмож не осмелится обидеть беднейшего из моих подданных, а повинности населения, пожалуй, самые легкие во всем свете. А вы? Твой брат, Амальрик, владеет восточной частью твоего королевства и всеми силами стремится сесть на твой трон. А наемники Страбона в эту минуту осаждают замки десятка взбунтовавшихся баронов. Народы изнывают в тенетах поборов и податей, но вам мало — вам надо ограбить и аквилонцев! Будь мои руки свободны — с каким наслаждением я размозжил бы ваши черепа о мраморные плиты!

Тсотха злорадно ухмыльнулся, наблюдая неистовство оскорбленных владык.

— Даже если бы все, сказанное тобой, было бы правдой — не об этом хотим мы говорить с тобой. Наши планы — наше дело, и ответственность твоя закончилась. Тебе необходимо лишь подписать акт отречения от престола в пользу принца Арпелло из Пелии. После чего ты получишь коня, снаряжение, пять тысяч золотых лунов, — и эскор特 доставит тебя к восточной границе.

— Вы хотите превратить меня в того, кем я был, прежде чем перешел границы Аквилонии и стал наемником ее тогдашней армии? Да еще с клеймом предателя на лбу? — зловеще раскатился смех Конана. — Значит, Арпелло! Я подозревал этого пелийского мясника, чванящегося следами королевской крови в своих жилах! И его руками ты хочешь править Аквилонией? От твоих разговоров на милю смердит мошенничеством! Скорее мы встретимся в аду!

— Глупец! — резко поднялся Амальрик. — Не забывай, что ты в нашей власти, и при желании мы способны лишить тебя не только короны, но и головы!

Ответ Конана был ответом человека, чья варварская необузданная натура никогда не вписывалась в строгие рамки дворцового этикета — он плонул прямо в лицо Амальрика.

С воплем бешенства вскочил король Офира, хватаясь за меч, и двинулся на Конана, занося клинок для удара.

Тсотха-ланти загородил ему дорогу.

— Спокойно, ваше величество: этот человек — мой пленник.

— В сторону, волшебник! — прохрипел Амальрик, доведенный до безумия издевательским взглядом голубых глаз киммерийца.

— Я сказал — стой! — рявкнул Тсотха, и злобная гримаса исказила его черты. Тонкая рука жреца вынырнула из широкого рукава, и облачко пыли окутало лицо Амальрика. Тот вскрикнул, пошатнувшись и роняя меч, и, схватившись за голову, бессильно рухнул на ложе.

Кофтские стражники бесстрастно смотрели перед собой, а Страбон, обхватив кубок дрожащими руками, выпил его до дна.

Амальрик отнял руки и потряс головой; глаза его постепенно приобретали нормальное выражение.

— Ты ослепил меня, — простонал он. — Зачем?

— Небольшой фокус, чтобы ты не забывал, кто здесь настоящий хозяин, — бросил жрец, скидывая маску вежливого придворного. — То, что ослепило короля Офира, — всего лишь пыль, найденная мною в стигийской гробнице. Еще раз — и ты будешь блуждать в темноте до конца жизни.

Амальрик вздрогнул, примирительно улыбнулся и потянулся за кубком, пытаясь скрыть злобу и страх. Будучи ловким дипломатом, он умел быстро создавать видимость спокойствия.

Тсотха повернулся к Конану, спокойно наблюдавшему за происходящим.

По знаку волшебника спешащие стражники схватили пленника и вывели из комнаты. Через мгновение они очутились в извилистом коридоре с мозаичным полом и золочеными стенами с причудливым орнаментом; свисавшие с потолка кадильницы наполняли коридор приятным дымом благовоний. Процессия свернула в узкий переход, мрачный и угрюмый, стены которого были облицованы яшмой и черным мрамором. Переход завершался бронзовыми дверьми, над которыми в жуткой усмешке скалил зубы человеческий череп. У дверей возвышался рослый, очень толстый субъект с отталкивающей внешностью, поигрывавший связкой ключей — невольник Тсотхи, евнух высшего ранга по имени Шукели; имя его окружали легенды, замораживающие кровь в жилах. Вместо умерших нормальных человеческих чувств им владело одно — звериная жестокость, находившая выход в страсти к пыткам.

За бронзой дверей узкая крутая лестница шла вниз, как бы ведя в самую глубину холма, на котором покоилась цитадель.

Внизу лестница завершалась железными створками, способными

выдержать удары осадного тарана. Шукели отворил дверь и отошел в сторону. Конан заметил, что сопровождавшие его чернокожие кущиты явно были чем-то взволнованы: и даже евнух с необъяснимым волнением глядел в темноту, царящую за дверью; там находилось еще одно препятствие — решетка из толстых стальных прутьев, снабженная искусственным замком, открывавшимся без ключа только снаружи. Шукели тронул рычаг, и решетка ушла в стену. Они очутились в широком тоннеле, пробитом в скальном массиве. Конан понял, что находится глубоко под землей — ниже основания холма, ниже фундамента цитадели.

Темнота отступила, отталкиваемая светом фонаря в руках Шукели. Кущиты ловко приковали короля к кольцу, укрепленному в стене; фонарь они закрепили в нише над его головой, так что Конан стоял в полукруге слабого света. Стражники сутились, чувствовалось, что они хотят уйти как можно скорее, они что-то тихо бормотали друг другу и бросали беспокойные взгляды в окружающий мрак. Тсотха жестом позволил им выйти, и они толпой кинулись к дверям, отталкивая напарников, как будто опасались, что темнота превратится в хищника и прыгнет им на спины. Тсотха повернулся к королю, и Конан заметил, что глаза его светятся в полумраке, а зубы поблескивают, подобно волчьим клыкам.

— Желаю удачи, варвар, — злорадно бросил маг. — Мне нужно ехать в Шамар, на осаду. Через десять дней я войду в твой дворец в Тарантии. Что мне передать от твоего имени женщинам серала, прежде чем я сдеру с них атласную кожу? Она пойдет на пергаментные свитки, где будет запечатлена хроника побед Тсотха-ланти!

Конан ответил яростным киммерийским проклятием, а его рык сотряс воздух с силой, способной разорвать барабанные перепонки обычного человека. Тсотха издевательски расхохотался и вышел. Решетка встала на место, и король еще успел увидеть удалявшийся грифообразный силуэт. Тяжелые двери с грохотом захлопнулись, и наступила тишина.

Конан подергал за цепь, испытывая ее крепость, и внимательно осмотрел кольцо в стене, к которому цепь была прикована. Его руки и ноги были свободны, но король понимал, что даже его стальных мышц не хватило бы, чтобы разорвать оковы. Звенья толщиной в палец крепились к железному поясу, охватывающему туловище Конана; сам пояс был в дюйм толщиной и шириной в ладонь. Одной тяжести этих оков достало бы, чтобы убить более слабого человека. С креплением между цепью и кольцом не справился бы и кузачный молот. Само кольцо в стене являлось окончанием стального прута, пропущенного через стену и

закрепленного с другой стороны. Конан выругался. Бросив взгляд в темноту, обступившую робкий полукруг мерцающего света фонаря, он ощутил накатывающуюся волну беспокойства. Рожденные инстинктом варвара опасения проснулись в его душе, растревоженное воображение населяло мрак подземелья страшными образами, да и разум подсказывал, что брошен он сюда не ради изоляции.

Он понимал, что у Тсотхи нет причин оставлять его в живых, и знал, что может рассчитывать на самую жестокую казнь.

Конан проклинал свою гордую глупость, — мог ведь, мог согласиться на предложенную ему постыдную сделку, но никакое благоразумие не способно было смирить негодование, возникавшее при одной мысли о ней. Он знал — выведи враги его наверх и предложи сделку снова, он, не задумываясь, ответил бы то же. А ведь трон киммериец завоевал для своей — и только своей выгоды. Так, незаметно, в душу авантюриста с обагренными кровью руками входило сознание истинного владыки, ответственного за судьбы подвластных ему народов.

Конан вспомнил об отвратительной угрозе Тсотха-ланти и застонал от неописуемого бешенства. Он знал, что это не пустые слова. Ведь человеческие существа, мужчины и женщины, выглядели для жестокого мага извивающимися червями перед исследующим их мудрецом. Мягкие белые руки, ласкавшие короля, пунцовые уста, прижимавшиеся к его губам, алебастровые груди, дрожавшие под его поцелуями — с них должна была быть содрана нежная кожа, белая, как слоновья кость, розовая, как бутон...

Нечеловеческий вопль вырвался из груди варвара, и грохочущее эхо вернуло его к реальности, требующей тщательного обдумывания ситуации. Темнота навевала неуверенность и страшные рассказы об утонченной жестокости Тсотха-ланти. Неприятный холод пополз по его спине. Он окончательно уверился, что находится в так называемых Казематах Ужаса, о которых говорили предания; в этих тоннелях и погребах проводил жрец свои дикие опыты над людьми, животными и даже над существами демоническими, отвратительно играя с самой сутью жизненной природы. Поговаривали о том, что помешанный бард Ринальдо навестил некогда подвалы мага, и тот показал ему кошмары и невообразимых чудовищ, о которых Ринальдо впоследствии вспоминал в поэме «Песнь подземелий». И все описываемое там не было порождением горячечного мозга, хотя мозг этот легко стал пылью под топором взбешенного Конана, когда однажды ночью ему пришлось защищать свою жизнь от заговорщиков — и их привел во дворец сумасшедший бард Ринальдо.

Певец исчез в небытии, но потрясающие слова его мрачной поэмы

вновь звучали сейчас в ушах короля, прикованного тяжелой цепью к стене.

Внезапно киммериец замер, услышав тихий шелест, леденящий кровь пришедшем на ум подозрением. Король застыл в оцепенении, до боли напряг слух — и безошибочно распознал звук, издаваемый гибкой чешуей, скользящей по камню.

Капли пота выступили у него на лбу, когда за кругом слабого света он заметил колossalный неясный силуэт, едва различимый, но приводящий в ужас.

Силуэт поднялся вверх, слегка раскачиваясь, и взгляд пылающих желтых зрачков остановился на киммерийце. Постепенно из мрака выплыла большая треугольная голова, а за ней медленно выползло извивающееся змеиное туловище. Это был змей, в сравнении с которым все рептилии, виденные Конаном ранее, казались недоростками.

От морды, размером с голову лошади, и до кончика остроконечного хвоста, он имел не менее восьмидесяти футов.

Белая чешуя сверкала в тусклом свете, подобно инею; змей рос в темноте, однако взгляд его горел — горел острой злобой. Порождение мрака свернулось в титанические кольца напротив прикованного человека и подняло голову, покачивая ею в нескольких дюймах от побледневшего лица короля. Раздвоенный, ритмично выс发扬ывающийся язык почти касался губ Конана, а от страшной вони дыхания король с трудом подавил приступ рвоты. Огромные желтые глаза глядели на него в упор. Киммериец боролся с инстинктивным желанием вцепиться руками в качающуюся толстую шею, но, будучи гораздо сильнее любого цивилизованного человека — и однажды после длительной борьбы свернув шею гигантскому питону в бытность свою корсаром, — он понимал, что шелестящий враг к тому же и ядовит. С белых выгнутых клыков в фут длиной капала бесцветная жидкость, и варварский инстинкт киммерийца подсказывал смерть, скрытую в ней. Он способен был раздробить узкий череп ударом своего страшного кулака, но понимал — при малейшей дрожи плеча или хотя бы века чудовище ударит с быстротой молнии. Разум требовал сделать шаг вперед и ускорить неминуемую смерть, но слепой инстинкт приказал жить и так сковал все тело варвара, что Конан напоминал бронзовую статую.

Толстая шея поднялась еще выше, а голова нависла над узником. Змей уставился на фонарь в нише над макушкой короля. Капля яда упала на обнаженное бедро человека, и прикосновение ее было подобно удару добела раскаленного стилета; перед глазами Конана заплясали цветные пятна, но он даже не шевельнулся. Не дрогнул ни один мускул, не задрожала ресница, ничто не выдало боли от ожога. Змей завис над ним,

как бы желая удостовериться в наличии искры жизни, тлевшей в непривычной фигуре — и в паузу врезался лязг отпираемой двери.

Осторожное и пугливое, как и все его собратья, пресмыкающееся с неожиданной для его величины быстротой повернулось и исчезло во мраке. Двери остались открытыми, решетка вошла в стену, и могучая чернокожая фигура встала в коридоре, освещенном пламенем наружного факела. Человек вошел в подземелье и осторожно прикрыл за собой решетку, следя за тем, чтобы засов не защелкнулся. И когда пришелец вошел в круг света — Конан увидел почти нагого негра гигантского роста. В одной руке негр держал связку ключей, в другой — широкий меч.

Чернокожий заговорил, и говор его был диалектом народов побережья, хорошо знакомым Конану с тех времен, когда он пиратом рыскал у побережья страны Куш.

— Долго же я ждал этой встречи, Амра!..

Он назвал Конана именем, под которым киммериец был знаком кушитам в годы своего корсарства. Амра — Лев. Губы невольника исказила странная гримаса, обнажив белоснежные зубы, а глаза заблестели в свете фонаря красноватыми отблесками.

— Многим пришлось рискнуть мне ради сегодняшней встречи! Смотри, Амра

— вот ключи от твоих цепей, украденные у спящего евнуха. Что дашь за них?

— Десять тысяч золотых лунов! — быстро ответил Конан, чувствуя учащенное биение сердца.

— Мало! — крикнул негр. — Слишком мало за такой риск! Любимцы Тсотха-ланти могут выползти из тьмы и сожрать меня, а если Шукели узнает о случившемся — он подвесит меня за ноги. Мало! Так что ты дашь за ключи?!

— Пятнадцать тысяч и дворец в Пуатене, — бросил Конан. Чернокожий радостно взвизгнул и высоко подпрыгнул, давая выход своей радости.

— Больше! — выкрикнул он. — Хочу больше! Что дашь?

— Черный пес! — неистовая злоба овладела королем. — Был бы я свободен

— дал бы тебе сломанную шею! Или Шукели послал тебя поиздеваться надо мной?!

— Шукели не знает о том, что я здесь, белый человек, — ответил невольник, вытягивая шею так, словно хотел заглянуть в душу Конана. — А я знаю, знаю тебя давно, с тех времен, когда я был вождем свободного

племени, прежде чем стигийцы поймали меня и продали на Север. Помнишь ли ты взятие Адомби, когда твои морские волки ворвались в город? Ты убил вождя перед дворцом короля Айяги, другой вождь сумел уйти — убитым был мой брат, Амра, а тот, кто бежал, был я! Хочу цену крови, Амра!

— Освободи меня — и получишь столько золота, сколько весишь сам! — сказал Конан.

Глаза чернокожего налились хищным блеском.

— Ты, белый пес, сын своей подлой расы — но черному человеку золото никогда не заменяло пролитой крови! Цена, которую ты заплатишь — твоя голова!

Яростным воплем прозвучали последние слова, и гулкое эхо понеслось вдоль коридора. Конан напрягся, подсознательно подтягивая оковы, охваченный отвращением при одной мысли о том, что придется умирать смертью беззащитного ягненка.

И внезапно он замер — над плечом беснующегося негра возник неясный контур ритмично раскачивающегося туловища.

— Тсотха никогда не узнает! — с хохотом кричал черный, слишком упоенный долгожданным триумфом, чтобы обращать внимание на творившееся у него за спиной. — Жрец не войдет в подземелье, прежде чем демоны не обдерут мясо с твоих костей, а кости вырвут из оков. Твоя жизнь будет моей, Амра!..

Невольник широко расставил массивные ноги и обеими руками взмахнул тяжелым мечом. В это мгновение гигантская тень с колосальной скоростью ринулась вперед и вниз, и клиновидная голова нанесла удар, отзвук которого покатился по тоннелям, вырубленным в скалах. Ни один стон не вырвался из толстых, синюшных губ, открывшихся в гримасе агонии. Конан только успел заметить, как одновременно с ударом жизнь угасла в негре, как пламя свечи под порывом ветра. Отброшенное в сторону тело упало поперек коридора, и чудовищные кольца оплели его, скрыв эбеновую кожу. До ушей Конана долетел хруст ломающихся костей. Внезапно он задрожал — ключи и меч выпали из рук убитого невольника и теперь валялись на каменном полу. Конан наклонился, чтобы поднять ключи, но цепь оказалась слишком короткой. Дрожа от возбуждения, с подкатывающим к горлу сердцем, он зацепил их пальцами ноги, подтянул поближе и судорожно схватил руками, едва сдерживая крик радости.

Через несколько минут он был свободен. Конан поднял лежавший на полу меч и огляделся. Его окружала только тьма, в которой и исчез змей, унося с собой изуродованные останки, лишь отдаленно напоминавшие

теперь человеческое тело. Конан повернулся к открытым дверям и в несколько прыжков был уже у них — когда в темноте раздался взрыв хохота, а решетка закрылась перед его вытянутой рукой. Из-за прутьев выглядывало лицо, схожее с маской на статуе сумасшедшего скульптора — евнух Шукели пришел за украденными ключами. Но в злорадном торжестве он не заметил меча в руках киммерийца. Выкрикнув проклятье, Конан ударил, подобно кобре. Меч свистнул в прутьях решетки, и смех кастрата сменился предсмертным хрюком. Шукели согнулся в последнем поклоне своему убийце и рухнул грудой жира, напрасно пытаясь удержать ладонями вываливающиеся внутренности. Конан радостно оскалил зубы — но решетка от этого не открылась. Осязание, привычное к металлу, подсказало, что прутья по твердости не уступают клинку, и пытаться их перерубить — означало сломать оружие. Но ощупывая решетку, Конан ощутил на ней следы укусов гигантских клыков и вздрогнул при мысли о чудовищах, оставивших такие углубления на стали прутьев.

Сейчас ему осталось лишь одно — поиски иного выхода. Взяв из ниши фонарь, он пошел по коридору, сжимая в руке меч. За змеем и его жертвой по каменному полу тянулся кровавый след. Тьма, слегка рассеянная светом фонаря, подкрадывалась к варвару на бесшумных лапах; по обеим сторонам тоннеля зияли черные отверстия, и король держался середины, внимательно осматривая пол перед собой в опасении свалиться в какой-нибудь колодец.

Неожиданно его остановил странный звук — голос жалобно плачущей женщины. «Очередная жертва Тсотха-ланти», — подумал он, проклиная чародея, и свернулся во влажный и низкий боковой коридор, продвигаясь в направлении, откуда доносился голос; по мере приближения голос усиливался. Подняв фонарь повыше, киммериец обнаружил впереди странные очертания и едва не наткнулся на бесформенную тушу, растянувшуюся на полу. Изменяющиеся очертания встреченного создания напоминали осьминога, но короткие щупальца были слишком ничтожны для такого корпуса, а тело непрерывно дрожало, как студень, одним своим видом вызывая тошноту. Из омерзительной желеобразной массы торчала голова жабы, и Конан заметил в ужасе, что женское рыдание исходило из отвратительных иссиня-черных губ.

Взгляд выпуклых подвижных глаз остановился на варваре, и плач сменился громким высоким смехом; трясущееся тело неуклюже задвигалось в сторону пришельца. Конан повернулся и побежал, не доверяя силе своего меча. Хотя bestия эта несомненно было соткана из земной материи, но лишь один вид ее потряс киммерийца до глубины души. Он

сомневался, сможет ли выкованное человеком оружие нанести рану подобному созданию. Еще некоторое время он слышал отголоски шлепанья за спиной, сопровождаемые диким хохотом; безошибочное ухо варвара улавливало в голосе человеческую нотку, и Конан вспомнил, как точно такой же смех исходил из пухлых чувственных губ блудниц из Шадизара — Города Разврата, когда на невольничьем рынке раздевали донага выставляемых на продажу рабынь. Каким же сатанинским искусством вдохнул Тсотха-ланти жизнь в это чудовище?

Конану казалось, что он видел нечто, самим своим существованием противоречащее законам природы. Он бегом бросился к главному коридору, но прежде чем добежал до него, очутился в маленькой квадратной комнатке на стыке двух тоннелей; и вбегая в нее, заметил он небольшую плоскую фигуру на полу. Прежде чем киммериец сумел остановиться или сменить направление, он зацепился ногой за что-то мягкое, пронзительно пискнувшее — и рухнул во весь рост. Фонарь выпал из руки и погас, ударившись об пол. Конан поднялся, оглушенный падением, и стал нащупывать путь в темноте вытянутыми руками; падая, он потерял ориентацию в пространстве и не мог сообразить, в какой стороне лежит главный коридор. Искать фонарь было бессмысленно, так как без огнива нечего было и думать развести огонь. Наткнувшись на стену, он ощупал ее и обнаружил выходы тоннелей, куда и направился наугад. Он не знал, как долго пришлось ему идти в полной темноте. Но инстинкт предостерег варвара, и он застыл на месте. Ему почудилась впереди бездонная пропасть, окруженная мраком. Встав на колени и передвигаясь на четвереньках, он коснулся ладонью края колодца. Скользкая и влажная стена уходила вертикально вниз. Вытянув руку вперед, Конан нащупал концом меча противоположный край. Мысль перепрыгнуть колодец мелькнула в его голове и тут же исчезла. Он все же хотел найти главный коридор, лежащий где-то позади. Слабый сквозняк, поднимающийся из колодца, пошевелил его черную гриву. Конан попробовал убедить себя, что колодец как-то сообщается с внешним миром, но понимал всю невозможность этого — ведь он находился ниже подножья холма, намного ниже уровня улиц города. Так каким же образом воздух мог проникать в подземелье и возноситься вверх? Откуда-то снизу доносился еле слышимый пульсирующий рокот, напоминающий гул барабанов, гремящих глубоко-глубоко под землей...

Король Аквилонии вздрогнул, встал и начал отступать. Когда он отошел

— нечто возникло из колодца; что это такое — он не знал. Напрасно

пытался Конан пробить взглядом темноту, он чувствовал лишь едва уловимое присутствие невидимого существа, раздраженно летавшего вокруг него. Конан повернулся, собираясь идти в обратную сторону, но заметил маленькую красную искорку и кинулся к ней, сломя голову. Это оказался его фонарь. Пламя погасло, но обугленный конец смоляного фитиля еще тлел. Осторожно раздув огонь, Конан поднял фонарь со вздохом облегчения. Он стоял в той же квадратной комнатке. Рядом находился тоннель, по которому он пришел из главного коридора. Он нырнул в него без колебаний и заметил, что пламя фонаря качается, словно на него дуют чьи-то невидимые губы. Он вновь поднял фонарь и огляделся, ощущая чужое присутствие. Ничего. Но король так и не смог отделаться от впечатления, что невидимое бестелесное существо летает вокруг него и произносит проклятия, которые он не мог слышать, но подсознательно ощущал их отвратительный смысл. Киммериец взмахнул мечом, и лезвие утонуло в гуще некой паутины. Его охватила тревога. Конан что есть сил бросился вперед, спиной чувствуя обжигающее дыхание.

И лишь в главном коридоре ощущение враждебного присутствия покинуло его.

Он быстро пошел вперед, неуверенно озираясь по сторонам и в любую секунду ожидая появления демонов с волчьими клыками и саблевидными когтями. Да и в коридоре уже не стояла прежняя тишина — из глубины земли отчетливо доносились отголоски потустороннего мира. Слышалось хихиканье, писк, кваканье, взрывы катанинского ликования. Послышался смех, несомненно исходящий из пасти гиены, внезапно перешедший в человеческую речь, прерванную потоком ругательств; несколько раз слышал Конан осторожные шаги чьих-то ног, а у входов в боковые тоннели виднелись очертания причудливых форм, более темных, чем окружающий мрак. Киммерийцу казалось, что он блуждает по аду — аду, созданному Тсотха-ланти. Но ни одно существо так и не показалось до конца из боковых переходов, хотя он ясно различал алчное чмоканье пастей и чувствовал на себе жгучие взгляды хищных глаз. Внезапно до него дошел смысл странного поведения детей мрака — сзади чуть слышно донесся знакомый шелест, и король прыгнул в темноту ближайшего поворота, гася фонарь. Он отчетливо услышал, как по коридору ползет гигантский змей, еще сонный после недавнего пиршества, но уже недовольный ускользнувшей от него очередной жертвой.

По всей вероятности, главный коридор был охотничьей территорией рептилии, и все остальные существа уступали ей дорогу. Из прочих местных кошмаров змей наименее ужасал Конана. Он даже испытывал к

пресмыкающемуся особую симпатию, когда вспоминал хохочущий и трясущийся студень, или бесцелесную тварь из колодца, изрыгающую неслышные проклятия. Во всяком случае, змей был существом земным. Ползучая гибель — но гибель телесная, в отличие от других, покушавшихся на умысел и душу.

Когда змей удалился, Конан раздул фонарь и последовал за ним на безопасном расстоянии. И не пройдя и нескольких шагов, он услышал стон, донесшийся из ближайшего отверстия. Осторожность сдерживала варвара, но любопытство оказалось сильнее. Высоко подняв фонарь, в котором оставался лишь крохотный огарок, он вошел в тоннель. Конан был готов ко многому, но увиденное им привело киммерийца в замешательство. Перед ним была обширная камера, огражденная стальными прутьями, концы которых уходили в пол и потолок. В центре клетки возвышалась фигура человека — или его точная копия.

Фигуру окружало сплетение толстых лиан, подобных лозам винограда. Лианы покрывали листья необычной формы и багряные цветы. Спутанные крепкие стебли обвивали обнаженное исхудалое тело и, казалось, ласкали его. Один огромный цветок навис прямо над ртом человека; звериный хрип вырвался из полуоткрытых губ, широко открытые глаза в упор смотрели на Конана, но не было в них блеска, свойственного взгляду живого существа — они были стеклянными и пустыми глазами безумца. Пурпурный цветок наклонился и в чувственном поцелуе прижал свои лепестки к раскрытым устам. Тело жертвы задрожало от боли, а лианы заколыхались в экстазе, вибрируя по всей длине. Волны изменяющихся оттенков потекли вдоль змеящихся сплетений; их цвет становился все более сочным, все более ядовитым.

Конан не понимал смысла происходящего, но догадывался, что стал свидетелем неведомой чудовищной пытки. Кем бы ни была жертва — человеком или демоном — ее страдания тронули сердце варвара. После недолгих поисков он разыскал вход в клетку — маленькую решетчатую дверцу, запертую на большой замок. Один из ключей связки Шукели подошел к нему. Как только Конан вошел в середину, цветы раздулись капюшонами кобры, стебли грозно заколебались, и все задрожавшее растение повернулось в сторону дерзкого.

Конан чувствовал, что перед ним существо сознательное, обладающее рассудком — растение явно видело его, и он ощущал волну неистовой злобы, излучаемую им. Осторожно приблизившись, король обнаружил место, где из скалы рос основной стебель лиан — солидный, толщиной с человеческое бедро пень. Не обращая внимания на листья и стебли,

тянувшиеся к врагу с шипением и шуршанием, киммериец взмахнул мечом и одним ударом перерубил пень. Жертва хищного винограда мгновенно отлетела в угол, выброшенная судорожным движением стеблей; они извивались обезглавленными змеями, образовывая огромный клубок неправильной формы; лианы дрожали и выгибались с громким шелестом листьев, а цветы конвульсивно раскрывали и закрывали свои чашечки. В конце концов растение легло недвижимо. Цвет его поблек, и зловонная белесая жидкость начала сочиться из перерубленного пня.

Конана вывел из зачарованного созерцания агонии шорох за спиной. Он обернулся, поднимая меч для удара — и застыл в изумлении: человек, освобожденный от палача, пристально рассматривал варвара; глаза на исхудалом лице уже не были лишены выражения — темные, светящиеся умом и утонченностью, и маска идиота полностью сошла с лица жертвы хищного растения.

Голова его была благородной формы, с великолепным высоким лбом и чертами, наполненными глубокой мудростью. Да и во всей его осанке сквозило нечто аристократическое. Человек заговорил, и первые его слова привели Конана в замешательство.

— Какой у нас сейчас год?

— Год Газели. Десятый день месяца Юлук, — ответил удивленный киммериец.

— Божественная Иштар! — воскликнул незнакомец. — Десять лет!

Он потер лоб рукой, будто стараясь избавиться от опутывавшей мозг паутины.

— Все еще затуманено... Ну что ж, после десятка лет бесплодной пустоты и нельзя ожидать, что мышление сразу восстановится. Кто ты?

— Я Конан. Киммериец родом, и король Аквилонии.

Человек удивленно моргнул.

— Да ну? Король... А что случилось с Нумедидом?

— Я задушил его на собственном троне, в ночь взятия столицы.

Нотка гордости в ответе короля вызвала улыбку на лице незнакомца.

— Простите меня, Ваше величество. Я должен был поблагодарить тебя за оказанную услугу. Но сейчас я подобен внезапно разбуженному спящему — и сон мой глубже смерти и полон видениями, страшнее адских. Хотя я понимаю, что освободил меня именно ты. Скажи мне, король, почему ты перерубил мечом пень растения Йотхга, вместо того, чтобы вырвать его с корнем? Я вижу, ты способен на это...

— Жизнь научила меня не касаться руками вещей, которых я не понимаю.

— Прекрасная привычка, свидетельствующая о твоей рассудительности. Если бы ты вырвал эти лианы, то нашел бы на корнях уцепившихся за них — и я думаю, что твой меч стал бы бессилен, ибо корни Йотхга погружены в Ад.

— Но... но кто ты? — заинтересованно спросил Конан.

— Меня звали Пелиасом.

— Что?! — в ужасе воскликнул король. — Пелиас? Чернокнижник, соперник Тсотха-ланти, исчезнувший из этого мира десять лет назад?!

— Исчез, но не совсем, — горько усмехнулся Пелиас. — Тсотха предпочел оставить мне жизнь, но оковы его страшнее ржавого железа. Меня швырнули в сатанинский цветок, семена которого приплыли через Черный Космос с Проклятого Яга, и они нашли здесь плодородную почву в адских глубинах. Когда этот дьявольский виноград высасывал мою душу в отвратительных ласковых объятиях — я не мог вспомнить моей магии и слов, бывших мощью чародея Пелиаса! Днем и ночью пили лианы мой разум, превращая мозг в треснутый кубок. Десять лет! О Иштар, спаси и помилуй!

Конан не находил подходящих слов и стоял молча, держа в одной руке догорающий фонарь, а в другой — рукоять меча; легко было предположить, что перед ним сумасшедший, но из темных внимательных глаз не выглядывало безумие.

— Скажи мне, — опять заговорил маг, — Тсотха-ланти в Корхемише?.. Впрочем, можешь не отвечать — сила моя пробуждается, и в твоих мыслях читаю я о великой битве и о великом предательстве, и о короле, пойманном в западню. И вижу я Тсотха-ланти, во весь опор скачущего к реке Тибор, со Страбоном и королем Офира.

Тем лучше — я еще слишком слаб после долгого сна, чтобы открыто выйти на Тсотха-ланти; мне необходимо время для восстановления былой мощи. Пойдем, король, выберемся из этих подземелий и утешим наши сердца кубком благородного напитка.

Конан безнадежно махнул связкой ключей.

— Решетка у входа заперта на засов, и открыть ее можно только снаружи. Есть ли другой выход из проклятых казематов?

— Есть один, но мы не станем им пользоваться: он ведет вниз, а не наверх, и вряд ли это выход. Но не будем заранее волноваться, поглядим на твою решетку.

Сказав это, маг неуверенно двинулся по коридору, не до конца доверяя ослабевшим ногам. Конан догнал его, и в голосе киммерийца звучали тревожные нотки.

— В тоннеле ползает дьявольски большой змей — и как бы нам не влезть прямо к нему в пасть!

— Я давно знаком с ним, — хмуро ответил Пелиас. — Я вынужден был смотреть, как он пожирает поочередно десять моих учеников. Его зовут Старый Сатха, и он любимец Тсотха-ланти.

— Так это жрец выдолбил подземелья для своих уродов?

— Нет, не он. Когда три тысячи лет назад здесь основали город, на взгорье уже выселились руины другого города, более древнего. Основатель Корхемиша, король Кхосс Пятый, и вознес свой дворец на взгорье, а копая под ним погреба, наткнулся на коридор, перегороженный стеной. Вломившись туда, Кхосс и обнаружил подземелья. Но его великого визиря постигла столь жестокая судьба, что король приказал вновь замуровать вход. Народу объявили, что визирь свалился в колодец, погреба засыпали, и, со временем, король оставил дворец, построив другой, за городом; оттуда он однажды и бежал в панике, обнаружив какую-то черную пыль на полу своей комнаты. Тогда он перенес весь двор к восточной границе королевства и построил новую столицу. А дворец на взгорье постепенно ветшал и превращался в развалины. Когда Аккутхо Первый вернул былое величие Корхемишу, он на месте руин построил крепость. Она выстояла до времен Тсотха-ланти, — превратившего ее в Багряную Цитадель и открывшего вход в подземелья; что бы ни случилось с великим визиром — Тсотха избежал подобной участи. Наоборот, спустившись в одну из штолен, он вернулся с изменившимся лицом, и странное выражение уже никогда не покидало его глаз.

Я видел эту штольню, но не собираюсь искать в ней мудрости. Я чародей, и мне больше лет, чем полагают многие люди, — но я человек.

А что касается Тсотха-ланти, то поговаривают, что однажды ночью танцовщица из Шадизара заснула слишком близко к руинам на Взгорье Дагот и проснулась в объятиях черного демона; вот от этой грешной связи и родилась проклятая помесь, которую теперь называют Тсотха-ланти...

Внезапно Конан издал предостерегающий крик и отскочил назад, потянув за собой Пелиаса. Перед ними возникло гигантское туловище Старого Сатхи, и извечная ненависть к теплокровным пылала в стоячих немигающих глазах.

Конан собрал мышцы в комок, готовясь использовать последний шанс — швырнуть умирающий фонарь в распахнутую пасть и доверить жизнь одному-единственному удару меча.

Но змей не обращал на варвара никакого внимания: он таращился поверх плеча киммерийца на Пелиаса, спокойно скрестившего руки на

груди и улыбавшегося.

Ненависть во взгляде змея стала уступать место дикому страху.

Он завертелся на месте, внезапное дуновение воздуха коснулось лиц людей — и рептилия исчезла в глубинах тоннеля.

— Клянусь Кромом! — удивленно пробормотал Конан. — Что могло так напугать эту тварь?!

— Существа, покрытые чешуей, видят скрытое, — загадочно и тихо ответил Пелиас. — Ты видишь мою телесную оболочку, а он увидел мою обнаженную душу.

Холод пополз по спине Конана. Он уже не был уверен, является Пелиас человеком или же демоном из глубин, заманивающим свои жертвы в гибельные ловушки. Конан боролся с желанием немедленно погрузить меч в спину идущего впереди мага, но прежде, чем он решился, они подошли к решетке, выделявшейся темными линиями на фоне света наружного фонаря. Мертвый Шукели сидел в луже крови, привалясь к прутьям плечом.

— Клянусь алебастровыми бедрами Иштар! Кто же наш милый привратник?!

— вскричал изумленный Пелиас. — Это же никто иной, как благородный Шукели, любящий вешать за ноги моих воспитанников и сдирать с них кожу! Уж не спиши ли ты, Шукели? Почему застыл ты, с брюхом, распоротым, как у свиньи на бойне?!

— Он мертв, — проворчал Конан.

— Жив он или мертв, — страшно засмеялся Пелиас, — но решетку он откроет!

Маг громко хлопнул в ладоши и крикнул:

— Встань, Шукели! Возвратись из ада, встань с окровавленной земли и открай дверь своим господам! Встань, говорю я!

Чудовищный стон пронесся по коридору. Волосы встали дыбом на голове Конана, и холодные капли пота защекотали его лоб.

Евнух вздрогнул и неуклюже повернулся, волоча непослушные руки. Беспощадный смех Пелиаса, острый, как обсидиановый кинжал, вторил движениям мертвого тела, цеплявшегося за прутья решетки.

Страх овладел Конаном, колени его подгибались. Широко открытые глаза трупа были пустыми и невидящими; внутренности вываливались из живота и путались в ногах Шукели, когда он, подобно огромной кукле, нажал на рычаг засова. Вначале Конану казалось, что евнух каким-то чудом жив, но теперь сомнений не было — Шукели был мертв, мертв уже много часов!

Пелиас вышел через открывшийся проход, а обливавшийся липким потом Конан поспешил за ним, опасаясь коснуться отвратительной шатающейся фигуры, уцепившейся за решетку.

Маг не оглядывался, и Конан брел по его следам, сотрясаемый приступами рвоты. Через полдюжины шагов он услышал глухой стук и обернулся

— останки евнуха неподвижно валялись у выхода.

— Он выполнил сказанное, и ад требует его обратно, — небрежно бросил удовлетворенный Пелиас, вежливо не замечая дрожи могучих плеч киммерийца. И они направились вверх по длинной лестнице, через бронзовые двери, украшенные человеческим черепом. Конан крепче сжал рукоять меча, ожидая нападения невольников, но в залах царила тишина. Коридор; следующий, заполненный благовонным дымом — тишина. Нигде никого.

— Невольники и стража располагаются в другом крыле цитадели, — равнодушно заметил Пелиас. — Господин их далеко, и рабы лежат без сознания, опоенные вином или соком лотоса.

Конан выглянул в стрельчатое окно, с оправленным в серебро стеклом, и выругался от удивления при виде звездного неба.

Его швырнули в подземелье при восходе солнца, а сейчас уже было далеко за полночь. В голове киммерийца не укладывался факт, что он так долго пробыл в заточении, и лишь сейчас он ощутил голод и жажду, вцепившиеся во внутренности.

Пелиас ввел его в комнату с золотистым сводом и посеребренным полом; стены из ляпис-лазури резко контрастировали с черным гранитом изящных колонн.

Со вздохом облегчения маг вытянулся на ложе, покрытом дорогой тканью.

— Наконец-то — золото и шелк! Тсotxa прикидывался, будто он выше земных наслаждений, но он наполовину дьявол — а я, невзирая на чародейское искусство, человек. Люблю, знаешь ли, удобства и веселые пирушки. На них и поймал меня подлый жрец — поймал совершенно беспомощного после доброй выпивки. Вино — проклятие, но клянусь грудью Иштар, даже когда я сейчас вспоминаю о нем, то немедленно чувствую присутствие этого напитка... Прошу тебя, дружище, наполни мой кубок! Впрочем, что это я?! Ты — монарх, позволь мне у служить тебе!

— К чертам! — хрипло сказал Конан, наполняя хрустальный кубок и передавая его Пелиасу. Сам же варвар ухватил пузатый кувшин и сделал глоток прямо из горлышка, вздыхая от удовлетворения.

— Пес Тсотха знает толк в вине! — Конан отер губы ладонью. — Но во имя Крома, Пелиас, неужели мы будем ждать здесь, пока проснувшиеся кнхты перережут наши глотки?

— Не беспокойся, приятель, — спокойно ответил Пелиас, — лучше ответь: не хочешь ли ты посмотреть, как идут дела у Страбона?

Глаза Конана метнули голубые искры, и суставы пальцев побелели на рукояти меча.

— Попадись мне этот ублюдок на длину клинка!

Пелиас поднял с эбенового столика блестящий хрустальный шар.

— Это хрусталь Тсотха-ланти; детская забава, но полезная, когда не хватает времени на более серьезное искусство. Поглядим, Ваше Величество...

Маг опустил шар на столик. Король посмотрел на матовую поверхность; и внезапно внутреннее пространство просветлело, расширилось, и изображение приобрело яркость и четкость.

Конан узнал знакомый пейзаж: равнина плавно опускалась к широкой реке, за которой высилась горная гряда; на северном берегу реки стоял город, окруженный стенами и рвом, обоими концами упиравшимся в реку.

— Во имя Крома! Это же Шамар! Псы Страбона осаждают его!

Захватчики перешли реку; шатры их стояли на узкой полосе ровного пространства, между взгорьем и городом.

Воины толпились под стенами, оружие их блестело в слабом лунном свете; со стен и башен летел град стрел и камней; нападающие дрогнули, откатились и вновь возобновили штурм. Конан открыл было рот, чтобы выругаться, но в шаре уже возникло иное изображение: в тумане появились стрельчатые крыши дворцов и сверкающие купола храмов — король видел Тарантию, свою столицу. Город был охвачен растерянностью и паникой.

Он видел рыцарей из Пуатена — преданнейших соратников, облеченных доверием и поставленных на охрану города. Они выезжали из ворот под рычание и свист разъяренной толпы. Король видел скопища мародеров, чужие панцири воинов с пелийскими инсигниями, и те же знаки красовались на башнях и площадях.

А над всем происходящим стояло смуглое, искривленное победной гримасой лицо принца Арпелло Пелийского.

Изображение потемнело и исчезло.

— Проклятье! — бесновался Конан. — Стоило потерпеть одну неудачу, как весь мой народ отвернулся от меня!

— Это не так, — прервал его Пелиас. — Твоим подданным объявили о смерти их короля, и они решили, что никто не защитит их теперь от

внешнего врага и гражданской войны. Вполне естественно в таком случае признать власть сильнейшего вельможи, во избежание ужасов борьбы за трон; памятуя былое, они не верят пуатенцам, а под рукой оказался Арпелло — могущественный принц центральных провинций.

— Когда я вернусь в Аквилонию — его обезглавленный труп сгниет на помойке у Башни Предателей!

— Увы! Страбон достигнет столицы ранее тебя, — хладнокровно прервал его Пелиас, — а армия кофтцев разграбит твоё королевство.

— Ты прав! — Конан взбешенным тигром заметался по комнате. — Даже на лучшем коне я не достигну Шамара к полудню, но и даже успев, я смогу лишь погибнуть при падении города. А ведь он падет, падет через несколько дней!

От Шамара до Тарантии пять дней пути на сменных лошадях, — все никак не мог успокоиться Конан, — если загонять их насмерть; пока я доскачу до столицы и соберу армию, Страбон уже постучится в ворота — а собрать армию трудно: даю голову на отсечение, что трусливая знать при вести о моей смерти шмыгнула в свои горы. Если уж народ выгнал Троцера Пуатенца, никто не в состоянии воспрепятствовать Арпелло завладеть короной и казной!

— В обмен на марионеточный трон Арпелло согласится стать вассалом Страбона, но в нужный момент поднимет мятеж. Бароны его не поддержат, и это будет легальным поводом для кофтцев захватить твоё королевство.

— О Кром, Имир и Сет! Если бы у меня были крылья, чтоб долететь до Тарантии!

Сидящий за столом маг выступивал на яшмовой поверхности некий причудливый ритм и, казалось, не слышал слов Конана, погруженный в свои мысли.

Вдруг яшмовый барабан умолк, и маг вскочил, ведомый внезапным импульсом, и жестом приказал Конану следовать за ним. В полном молчании взошли они по мраморной лестнице на верхнюю площадку самой высокой башни цитадели. Стояла ночь. Сильный ветер развевал черные волосы Конана. Далеко внизу мерцали огни Корхемиша, более чужие, чем звезды над головами.

Пелиас выглядел одержимым, внезапно он заговорил странным, изменившимся голосом.

— Есть существа, живущие не только на земле, в воде и в воздухе, но и в небесах, неизвестные людям, рассеянные на неизмеримых пространствах... Но для владеющего Знаками и Словами, лежащими в

основе, они доступны и не опасны. Смотри — и не пугайся!

С этими словами он воздел руки к небу и издал протяжный крик, распространившийся в пространстве, вибрирующий и не затихавший. Он несся все дальше, казалось, достигая миров, неизвестных смертным.

В наступившей тишине Конан услышал шум крыльев, доносиившийся со стороны звезд, и вздрогнул, когда из мрака возникло черное, похожее на нетопыря создание и село у его плеча на зубец стены. Оправившись от потрясения, Конан присмотрелся и увидел большие, нежные глаза, мерцавшие в звездном свете, могучие крылья с размахом не менее сорока футов. También увидел он, что существо это не было ни птицей, ни летучей мышью.

Пелиас прервал молчание.

— Садись и лети. Будешь в Тарантии перед рассветом.

— Клянусь Кромом! А ты? Не могу же я бросить тебя одного среди врагов!

— Не беспокойся обо мне, — усмехнулся маг. — Нынешним утром люд Корхемиша узнает, что имеет нового господина. Прими с покорностью посылаемое богами; вскоре я увижу тебя на равнине под Шамаром. Лети, король!

Конан осторожно взобрался на ороговевшую спину и ухватился за изогнутую шею летающего незнакомца; происходящее казалось неимоверным сном, и король с трудом сдерживал желание проснуться.

Раздался шелест огромных крыльев, и существо взмыло в воздух. Король глянул вниз и ощущил головокружение. Далеко-далеко внизу блестели маленькие искорки — огни королевской столицы Корхемиша; они удалялись и, наконец, исчезли совсем. Только звездное небо над головой напоминало Конану о том, что он мчится к Тарантии быстрее самого породистого скакуна...

3

...Улицы Тарантии переполняли бурлящие толпы. Люди яростно потрясали ржавыми пиками и алебардами, лес сжатых кулаков вздымался над головами разбушевавшейся черни.

На рассвете следующего дня после битвы под Шамаром события стали развиваться с головокружительной быстротой. Известным лишь Тсотхланти способом весть о поражении и смерти Конана Аквилонского достигла столицы и вызвала переполох. Бароны в панике оставляли город и мчались во весь опор к своим владениям — защищать майораты от алчных соседей. Королевство, хорошо организованное Конаном, балансировало на краю пропасти, а банкиры и купцы дрожали при мысли о возвращении прежних порядков. Народ требовал избрания короля, способного обуздать внешнего врага и взбесившуюся аристократию. Граф Троцеро, наместник короля в Тарантии, сделал попытку успокоить толпу, но охваченные страхом мещане тут же припомнили, как этот же Троцеро пятнадцать лет назад во время гражданской войны взял Тарантию штурмом и устроил кровавую баню ее защитникам. Ходили слухи даже об измене графа и его желании разрушить город. Воспользовавшись суматохой, отряды наемников начали грабить и насиливать, выволакивая из домов причитающих мещанок и трясущихся купцов. Троцеро немедленно ударил по распоясавшейся солдатне, устлав улицы трупами и заставив выживших вернуться в казармы и выдать зачинщиков-командиров.

Но и это ничего не изменило — а голоса недовольных звучали все громче. Люди бежали неизвестно куда и неизвестно зачем. Ширились слухи о том, что Троцеро сам спровоцировал грабежи, чтобы иметь возможность их подавить.

Принц Арпелло явился на заседание королевского совета и заявил, что, за неимением у погибшего Конана наследника, он готов принять на свои плечи тяжкое бремя власти, до окончательного решения об особе нового короля.

Пока длились дебаты, подкупленные пелийцем негодяи шныряли по городу, вопя во всю глотку о примеси королевской крови в жилах Арпелло.

Даже сквозь толстые стекла зала заседаний до ушей членов совета доносился рев толпы, провозглашавшей здравицы в честь Арпелло, прозванного Спасителем.

Совет капитулировал. Один Троцеро отказался отречься от присяги,

но толпа выла, свистела, орала и забрасывала его камнями.

Понимая бессмысленность уличного боя с наемниками Арпелло, пугаченец швырнул свою булаву наместнику в физиономию самозваного владыки и начал готовиться к выходу из города. Последним его приказом было официальное распоряжение повесить арестованных командиров наемников-мародеров, после чего граф выехал через южные ворота во главе пятнадцати сотен своих рыцарей.

Как только ворота захлопнулись за тяжеловооруженными всадниками, маска доброжелательности на лице Арпелло уступила место обличью изголодавшегося волка. Разбитые и лишенные командования наемники отсиживались в казармах, и люди Арпелло были единственными вооруженными силами в городе.

Верхом на рослом белом жеребце пелиец выехал на дворцовую площадь и объявил себя законным владельцем Аквилонии под приветственные клики толпы.

Канцлер Публий, воспротивившийся беззаконию, попал в темницу. Купцы, с восторгом встречавшие новую власть, с удивлением выяснили суммы налогов, установленных на их торговлю. Шестеро самых богатых явились во дворец с просьбой о пересмотре — их головы покатились наземь без долгих церемоний, а также безо всякого суда.

После этой казни в домах зажиточных мещан воцарился страх. Купцы, не сумевшие ничего сделать при помощи золота, по своему обычаю пали на жирные брюха — лизать сапоги сюзерена.

Простых людей не особенно озабочила судьба торговцев, но, выяснив вскоре, что пелийские солдафоны ничем не лучше туранских головорезов — чернь стала роптать. Под видом наведения порядка армия Арпелло грабила и убивала, превзойдя в жестокости даже видавших виды наемников.

Поток бесполезных жалоб хлынул к новоявленному королю, сделавшему своей резиденцией дворец канцлера — в королевском замке забаррикадировались отчаявшиеся члены королевского совета, заочно приговоренные к смертной казни — они со своими слугами пока что успешно отражали атаки гарнизона.

Не в силах взять замок, пелиец захватил летнюю резиденцию Конана, где жили его жены и наложницы.

Королевские красавицы напрасно пытались вырваться из объятий пьяной солдатни — а были это темноглазые женщины из Пуатена, черноволосые девы из Заморы, Зингары и Гиркании, брифинки с льняными кудрями, все одинаково рыдающие от стыда и унижения и не

привыкшие к подобному обращению.

На город, погруженный в ужас и тревогу, опустилась ночная тьма. Незадолго до полуночи разнеслась весть о штурме Шамара кофтской армией. Люди были потрясены. Никто не задумывался о том, каким образом известие сумело за такой короткий срок достичь столицы, но простонародье обступило дворец и потребовало, чтобы король воссел на коня и двинулся на юг, — отразить нападение и отбросить захватчиков за Тибор.

Но пьяный король презрительно хохотал, стоя у окна.

На рыночной площади студент Афемид взобрался на колонну и громогласно обвинил Арпелло в сговоре со Страбоном, живописуя перспективы бытия под властью Кофта с Арпелло в роли сатрапа; прежде, чем он закончил речь, толпа раскалилась до предела.

Самозванец выслал отряд на поимку студента-бунтаря, но люди забросали солдат камнями и тухлыми яйцами. Рота арбалетчиков окружила площадь, кавалерийский эскадрон врезался в толпу, но студент исчез.

Он тайком выбрался из города и направился к графу Троцеро, намереваясь умолить его штурмом взять Тарантию и идти затем на помощь осажденному Шамару. Он застал графа, сворачивающего свой лагерь, разбитый под стенами Тарантии, и намеревающегося направиться в Пуатен — далекую западную окраину государства. На мольбы юноши Троцеро ответил, что сил его недостает не только для противостояния Страбону, но и для штурма Тарантии, даже при полной поддержке населения. Кроме того, жадные соседи стали бросать косые взгляды на Пуатен, намереваясь поживиться за чужой счет. А так как король мертв, то каждый да позаботиться о себе сам. Посему он, граф Троцеро Пуатенский, намерен сражаться с Арпелло и его бандой у себя дома.

В то время, как Афемид пытался уговорить Троцеро, жители города в бессильном бешенстве толпились у стен дворца, осыпая Арпелло проклятиями. А тот, стоя на верхней площадке башни, издевался над их беспомощностью. Его лучники уже целились в народ из окон, и пальцы арбалетчиков легли на спусковые крючки.

Принц Пелийский был среднего роста, массивного телосложения, с темным и жестким лицом. Он был ловким интриганом, к тому же отлично владеющим мечом. Под его расшитым золотом кафтаном блестела лакированная сталь панциря. Длинные завитые и надушенные волосы прятались в серебряную сеточку, и меч на поясе украшали драгоценности.

Широко расставив ноги, он гордо подбоченился и крикнул:

— Войте, глупцы, если это доставляет вам удовольствие. Конан мертв,

и король отныне — я!

Ничто не угрожало Арпелло. Сил его хватало для удержания столицы, вплоть до появления Страбона. Аквилонские бароны теперь занимались отбирианием у соседа жирного куска, и пелийцу угрожала лишь безоружная чернь. Скоро, скоро кофские армады пробьются через жалкие остатки аквилонских полков, как таран военной галеры сквозь пену на волнах.

Надо было ждать и удерживать кипящую столицу. Над восточными башнями вставало солнце, и на фоне розового неба безобидно мелькала черная точка, быстро увеличивавшаяся в размерах: нетопырь... нет, пожалуй, уже орел.

Изумленный вопль потряс городские стены, когда над ними возникло существо, известное людям из полузабытых легенд, а когда оно снизилось и село на зубец башни — со спины его слез человек. Создание прошлого взмыло в воздух и вскоре скрылось из виду. Люди протирали глаза, но свершившееся не было миражом — на башне высилась огромная полунасвая окровавленная фигура, державшая в руке широкий и длинный меч. Из людских глоток вырвался единодушный рев:

— Король! Это — король!

Арпелло окаменел. Потом, оправившись от ужаса и удивления, он выхватил меч и с криком бросился на Конана. Киммериец легко парировал удар, отбросил свое оружие и, схватив пелийца за волосы и пояс, поднял над собой извивающееся тело.

— Забирай свою подлость домой — в Ад! — прорычал он и швырнулся принца в стопятидесятифутовую бездну.

Толпа расступилась, и падающее тело рухнуло на землю, разбрызгивая кровь и мозг, и замерло в лопнувшем панцире, как растоптанный жук. Арбалетчики шарахнулись от окон и в панике попытались скрыться в дворцовых садах, но из дворца выскочили запершиеся там члены королевского совета, яростно рубя бегущих.

Пелийские рыцари кинулись врассыпную, ища спасения на улицах города, но окружившая всадников чернь стащила их с коней и разорвала в клочья. Город кипел; тут и там можно было видеть шлем, возвышавшийся над взлохмаченными, непокрытыми головами, одинокий меч, бешено крутящийся среди леса копий и рогатин, и надо всем происходящим раздавались мольбы о милосердии и кровожадный вой тысяч глоток, заглушавший предсмертные стоны.

А на площадке башни стояла обнаженная фигура со сложенными на груди руками и смотрела на людской водоворот, сотрясаемая взрывами зычного хохота — смеха, одинаково издевательского для черни, принцев и

королей...

4

Солнце, склонившееся к горизонту, бросало гаснущие отблески на воды Тибора — реки, омывающей южные бастионы Шамара. Ослабевшие защитники города понимали, что немногим из них суждено увидеть рассвет завтрашнего дня, и наслаждались в последний раз панорамой заката.

Шатры осаждавших покрывали равнину, подобно снежным завалам. Малый числом гарнизон Шамара не мог воспрепятствовать захватчикам перейти броды; соединенные между собой лодки образовали шаткий мост, по которому вражеские орды и перебрались к городу.

Страбон не отважился углубиться внутрь аквилонской территории, имея за спиной Шамарскую твердыню, и ограничился посылкой вглубь страны отрядов легковооруженной конницы, для грабежа и паники, а сам в это время принялся за строительство осадных машин.

Флотилия Амальрика встала на якорь у городских стен. Некоторые галеры были разбиты вдребезги огромными валунами из башенных баллист, но большинство осталось невредимо, и с носа и кормы лучники вели непрерывный обстрел, прикрываясь соломенными матами. О шемитских лучниках говорили, что они рождаются с луками в руках, и никто не может превзойти их в меткости. Катапульты метали через стены камни и бревна, утыканные гвоздями, легко сносившие стены домов и убивавшие мирных жителей.

Тараны непрестанно били в ворота, отряды землекопов кротами вгрызались в землю, подводя подкопы для закладки мин; ров переполняли камни, земля и трупы людей и лошадей. Толпы воинов под стенами рубили топорами препрятствия, тащили лестницы, толкали осадные башни, гнувшиеся под тяжестью копейщиков — и все это, несмотря на бросаемые камни и смолу, льющуюся из громадных бочек.

Город утратил надежду, и лишь полуторатысячный гарнизон по-прежнему стоял насмерть против сорокатысячной армии. Вести не долетали до этой далекой пограничной крепости, и известно было лишь о гибели Конана — о ней все время громко кричали осаждавшие. Участь города была решена, несмотря на крепость стен и отчаянную отвагу защитников. Западная стена уже рухнула под напором тарана, и на ее руинах закипел яростный рукопашный бой, а падение башен оставалось лишь вопросом времени.

Захватчики готовились к последнему штурму. Запели рога, выровнялись закованные в сталь шеренги; обитые свежеободранными бычьими шкурами осадные башни с зловещим грохотом покатились к стенам. Гарнизон отчетливо видел королевские знамена Офира и Кофта; возле них просматривался щуплый высокий Амальрик в золотом вооружении, мускулистый Страбон в агатовом панцире, а между ними, внушая страх самым отважным, стояла худая фигура жреца в развевающейся одежде.

Копьеносцы рекой расплавленной стали потекли вперед, рыцарская конница шла на рысях, склонив к земле украшенные флагштоками копья. Воины на стенах перевели дыхание, крепко сжав в ладонях рукояти окровавленных, зазубрившихся мечей — и поручили души свои Митре.

Но неожиданный рев рога прорезал шум битвы, а грохот подков заглушил лязг оружия.

Со склонов невысокой горной гряды, окружавшей равнину с севера, не жалея шпор и пригнувшись в диком страхе к конским гривам, мчались отряды легкой конницы Страбона. И за их спинами солнце сияло на стальных панцирях

— шла тяжеловооруженная конница. А над головами рыцарей разевался по ветру большой королевский штандарт Аквилонии.

Неистовый вопль радости вознесся к небесам из уст защитников города. Воины дружно ударяли мечами по щитам, жители — мещане и ремесленники, купцы и проститутки, нищие и дамы в богатых одеяниях — все, плача, пали на колени и со слезами шептали благодарные слова Митре.

Страбон и его наместник Арбанус отдавали беспорядочные приказания, пытаясь развернуть штурмующие полки и отразить неожиданное нападение.

Темнолицый монарх криком пытался вдохновить своих офицеров.

— Нас больше! У них нет резервов за холмами! А если гарнизон отважиться высунуть нос — у нас хватит пехоты! Это пуатенцы! — Троцеро бросился в безнадежный бой, теша свою рыцарскую гордыню!

И крик перебит был изумленным воплем Амальрика.

— Я вижу графа Троцера, вижу его капитана Просперо...

НО КТО СКАЧЕТ МЕЖДУ НИМИ?!

— Ишгар, спаси и сохрани! — прошептал бледнеющий Страбон.

— Это же король Конан!..

— В своем ли ты уме?! — взвыл Тсотха, от волнения приподнимаясь на стременах. — Уже несколько дней Конан сидит в брюхе Сатхи!

Внезапно он умолк, дико тараща глаза на аквилонские полки,

спускающиеся с холмов. Взор не обманывал мага — и он не мог не узнать всадника в черных золоченых доспехах на огромном вороном коне, ставшемся в бешеном галопе под штандартом Аквилонии.

Крик ярости вырвался из уст Тсотха-ланти, клочья пены упали на бороду; Страбон впервые увидел чародея в подобном состоянии и на всякий случай отъехал в сторону.

— Это колдовство! — вопил Тсотха, дергая себя за бороду. — Даже сбежав из подземелья, невозможно за такой срок добраться до столицы и, тем более, сколотить армию! Я чувствую проклятую руку Пелиаса! — и будь проклята глупость моя, пощадившая врага ради мук унижения!..

Оба короля испуганно переглянулись, услышав страшное имя чернокнижника, уже десять лет числившегося мертвым. Паника владык передалась подданным — все узнали всадника на вороном коне.

Злоба перекосила лицо Тсотха-ланти, увидевшего сломанный строй дрогнувших войск союзников. Догадываясь о причинах суеверного страха, овладевшего солдатами, он крикнул: «Вперед! Все равно мы сильнее! Сегодня вечером мы встретим победу на руинах Шамара!»

Жрец воздел руки к небу и воззвал голосом, леденящим кровь:

— О Сет! Пошли нам победу! Клянусь, что пять раз по сто шамарских девственниц обагрят кровью твой алтарь!

Приближающаяся армия уже спустилась на равнину. За рыцарями шли отряды хмурых всадников на крепких коренастых лошадках. Выйдя на простор, они спешились и встали плечом к плечу:дельно — приземистые боссонские лучники,дельно — яростные гундерцы-копьеносцы с длинными светлыми волосами, выбивающимися из-под шлемов.

Полки, сформированные Конаном за эти безумные часы, представляли собой довольно пестрое зрелище.

Он начал с того, что отогнал озверевшую кровожадную толпу от пелийских отрядов — и приобрел благодарную испытанную пехоту. За Троцеро ринулся гонец на самом быстром коне с приказом мчаться во весь опор в столицу. Юг был прочесан в поисках рекрутов — и тарантайская знать отдала своих людей в распоряжение короля.

Девятнадцать сотен тяжеловооруженных рыцарей встали под штандарты Аквилонии, и ядро их составляли закаленные бойцы из Пуатена. За счет пелийцев, новобранцев и отрядов вельмож было сформировано пять тысяч лучников и четыре — копейщиков.

И сейчас эта армия, невеликая числом, но твердая духом, стояла на шамарской равнине. Впереди лучники, за ними торчали копья гундерцев, и

замыкала строй тяжелая конница.

На скалы их щитов неумолимым приливом накатывалась армия союзников. И у жителей Шамара на стенах дрогнули сердца, когда они увидели малочисленность поддержки.

Замысел Арбануса уповал на численное превосходство — смести пехотой заслон Конана и открыть путь для сокрушительного удара бронированной кавалерии. Пятьсот шагов, четыреста — и дождь шемитских стрел закрыл солнце. Но на пути смертоносного ливня стояли лучники Запада, закаленные в тысячелетних войнах против диких пиктов. Они невозмутимо шли вперед, смыкая ряды над павшими. Их луки уступали шемитским в дальновидности — но в меткости они не уступали никому. Панцири боссонцев были крепче, и крепче была их дисциплина и боевой дух. Подойдя на триста шагов, боссонцы послали впереди себя убийственный град стрел. Легковооруженные шемиты валились ряд за рядом. Не выдержав, они бросились врассыпную — открыв для обстрела идущих позади кофтских копьеносцев, пытающихся спешно выйти на дистанцию рукопашного боя. Кофты прошли сквозь стрелы и столкнулись с дикими гундерцами, уроженцами самых северных провинций Аквилонии, рожденными для строя пехоты.

Родина гундерцев граничит с Киммерией, и люди ее не зря гордятся самой чистой гиборейской кровью.

Кофты, ряды которых весьма поредели от боссонских стрел, недолго смогли выдерживать напор гундерцев и в страхе побежали. Страбон зарычал от бешенства, видя бегущую пехоту, и отдал приказ трубить атаку рыцарей. Напрасно Арбанус старался остановить его, указывая на лучников, напрасно советовал временно отступить — Страбон окинул взглядом конницу противника, выглядевшую горсткой приговоренных к смерти, и приказал трубить.

Арбанус поручил свою душу Иштар и поднял золотой рог.

Земля задрожала от конского топота. Полки мчались вперед, давя копытами своих и чужих и грудью встречая напор стрел боссонцев, не обращая внимания на летящую смерть — и через секунду они должны были врезаться в ряды лучников.

Дождь смерти собирал обильную жатву. Широко расставив ноги, боссонцы стояли плечом к плечу и в ритме коротких окриков натягивали луки и спускали тетиву.

Свалился первый ряд рыцарей. На их нашпигованные стрелами тела валились другие, ломая ноги лошадям, предоставляя лучникам возможность стрелять, почти не целясь.

Все завертел адский водоворот, Страбон отдавал одни приказания, Амальрик — другие, а войсками овладел страх при виде человека, которого они считали мертвым.

Конан кивнул трубачу. Тот поднес к губам витой рог и протрубил сигнал. Ряды пехоты расступились, и вперед пошла аквилонская конница. Столкнувшиеся полки, казалось, пошатнули своим грохотом бастионы Шамара. И орды союзников не выдержали удара стального клина, ощетинившегося копьями. Их шеренги были сметены, и в центр прорвались рыцари из Пуатена, рубя направо и налево страшными двуручными мечами. Клинки гремели по панцирям, подобно тысячам молотов, рушащимся на наковальни.

Даже воинов на башнях и стенах города оглушил грохот жуткого сенокоса. Их взгляды устремились туда, где меж сверкающими лезвиями разевались на шлемах пышные султаны, где видны были летящие знамена.

Пал Амальрик, разрубленный огромным мечом Просперо, и тело его свалилось под конские копыта.

Толпы офицеров кружили вокруг неполных двух тысяч всадников Конана и не могли разорвать аквилонский строй. Гундерцы и боссонцы, расправившись с остатками бежавшей пехоты, сомкнули ряды и кинулись в самую гущу, беспощадно разя стрелами и копьями.

Конан, мчащийся во главе ударного отряда, издал боевой клич и стал описывать круги мечом, от которых не спасал ни шлем, ни панцирь. Путь его был отмечен кровью и смертью, он несся подобно молнии, прорубая дорогу к бледному Страбону, окруженному гвардией.

Здесь решалась судьба сражения, потому что Страбон по-прежнему обладал численным перевесом, и умелое командование способно было решить исход. Увидя своего заклятого врага, подошедшего на длину удара, король Кофта с криком махнул топором, высекшим искры из шлема киммерийца; но Конан привстал на стременах, и тяжелый меч его обрушился на голову Страбона. Шлем лопнул вместе с черепом. Конь убитого истошно заржал, встал на дыбы и помчался по полю, волоча мертвое тело. Отчаянный вопль вырвался из уст кофтской гвардии, их ряды смешались. Троцеро со своими людьми мгновенно прорвался к своему королю, и вскоре большой штандарт Кофта зашатался и упал.

Внезапно до ушей сражающихся донеслось многоголосье боевого клича, разнесшегося по равнине. Защитники Шамара открыли ворота и кинулись в отчаянную атаку на почти брошенный вражеский лагерь, рубя охрану, поджигая и валя осадные башни. И эта капля переполнила чашу.

Армия союзников прекратила свое существование, ища спасения в

паническом бегстве. Пытаясь уйти от беспощадных преследователей, они кинулись к кораблям, но перепуганные зажигательными стрелами экипажи подняли якоря и отвели флотилию к противоположному берегу. Часть бегущих успели выскочить на мостик из лодок, но горожане перерубили канаты, и лодки понесло течением. Битва превращалась в резню. Захватчики гибли на побережье или тонули под тяжестью доспехов. Ранее они не давали пощады врагам и теперь не рассчитывали на подобное по отношению к себе. Поле покрылось трупами от подножья холмов до круч Тибара, а вода окрасилась кровью.

Около двух тысяч рыцарей пошли с Конаном на юг, и едва пятьсот из них пережило битву под Шамаром, чтобы гордиться шрамами, а лучников и копьеносцев осталось еще меньше. Но среди горстки перебравшихся через лодки — среди них был Тсотха-ланти, несшийся, как ветер, на большом, странного вида коне. Ни одна лошадь не могла сравниться с ним в скорости. Давя копытами кого попало, жрец выскочил на тот берег. Оглянувшись, маг увидел летящего за ним черного всадника; лодки уже начали дрейфовать, но Конан пришпорил коня и вынудил его прыгать с лодки на лодку. Тсотха было начал говорить заклинание, но заржавший от напряжения вороной в последнем отчаянном усилии достиг берега. Маг повернул странного коня и понесся прочь, а за ним — размахивающий мечом Конан.

И так неслись они — охотник и добыча — и не мог вороной ни на фут приблизиться к беглецу, хотя и напрягал до пределов выносливости каждый нерв. Солнце клонилось к закату, шум битвы стихал за плечами.

Неожиданно на горизонте показалась точка, постепенно превращающаяся в большого орла, упавшего на шею коня Тсотха-ланти. Перепуганный зверь заржал, встал на дыбы и сбросил всадника.

Тсотха вскочил и повернулся к подъезжающему Конану. Глаза его неестественно блестели, а лицо казалось дикой маской бешенства. В каждой ладони жрец сжимал нечто блестящее, и король понимал, что все, что держит маг — смерть. Киммериец соскочил с коня и пошел на врага.

— Вот мы и сошлись снова, чародей! — злобно засмеялся варвар.

— Держись подальше от своей смерти! — по-шакальи взвизгнул Тсотха. — Я сдеру кожу с твоих костей! Не в твоей власти победить мага! Даже разрубленный на куски, я срастусь вновь для того, чтобы отправить тебя во тьму! Вижу, вижу руку Пелиаса — но я, Тсотха, сын...

Хищно прищурившись, Конан прыгнул, и меч его сверкнул в лучах заходящего солнца. Тсотха взмахнул рукой, но король уклонился, и тусклый шарик пролетел мимо шлема и упал далеко позади, вспыхивая адским

пламенем, плавя песок. Но прежде чем поднялась левая рука мага, свистнул широкий меч, и голова Тсотхи упала на песок. Из перерубленной шеи взвился фонтан крови, а тело в белых одеждах зашаталось и сползло наземь. Но черные бешеные глаза продолжали таращиться на варвара, не теряя яростного блеска; а руки шарили вокруг, пытаясь ощупью найти срубленную голову.

И тогда, шумя крыльями, вновь упал с неба гигантский орел, впился когтями в истекающую кровью голову и взмыл в небеса.

Конан застыл на месте, услышав смех, вырвавшийся из груди птицы — страшный смех Пелиаса-чернокнижника.

Но это еще не было концом сегодняшнего ужаса, потому что обезглавленный труп поднялся с земли и, вытянув руки, побежал за точкой на темнеющем небе, удалявшейся со все большей скоростью.

Окаменевший киммериец стоял и смотрел вслед бегущей фигуре, постепенно исчезавшей в вечерних сумерках.

— Во имя Крома! — простонал изумленный король. — Да поглотит Ад все чародейские штучки! Пелиас поступил со мной по справедливости, но не хотел бы я встретиться с ним еще раз... Лучше уж иметь в руке благородный честный меч и порядочного врага, в которого этот меч можно всадить! Проклятье! Чего бы я сейчас не отдал за кувшин старого вина...